

НАРОДНАЯ АРТИСТКА

18 МАРТА —
выборный в
Верховный
Совет
СССР

Кармен, знаменитая севильская сигарера, отплавив, отлюбив и тысячу раз погибнув от ножа на всех сценах мира, переочевала сюда, в эту обычную московскую комнату на Фрунзенской набережной.

Высокий гребень, спадающее кружево мантильи, четкий профиль, взлетевшие дуги бровей, режущий взгляд черных глаз — я видела ее гордую смерть на обожженной солнцем севильской площади.

И вот вошла она. Русая, домашняя, спокойная, русская Кармен — Ирина Архипова, первая русская Кармен, которую увидели избалованные слушатели великой оперной державы — Италии.

— Трудно поверить, что вы — Кармен!

— Знаете, когда-то мне говорили: ну, вот уж Кармен из тебя ни за что не получится! Что угодно — Амнерис, Марфа... Но Кармен? Нет! А потом, когда я все-таки наперекор всем потихоньку стала репетировать, уже на первой репетиции старейший суфлер Свердловского театра, где я тогда работала, сказал мне: «А знаете, это будет ваша коронная роль». И сейчас вот я пою в Большом театре много партий, а все почему-то представляют меня Кармен, и только Кармен. Ведь это, пожалуй, неплохо, что я сама по себе так не похожа на свою злощастную Карменситу, а то было бы неинтересно — играть нечего.

Неведомые пути ведут в искусство, иногда самые неожиданные...

— Меня спасло то, — полусерьезно говорит Ирина Константиновна, — что все было рядом, близко — моя работа, мой дом и моя консерватория. Иначе я просто бы не выдержала.

Да нет, выдержала бы! Было бы труднее. Немного. Ну, пришлось бы послать часом меньше, потратив его на поездку по городу. Но ведь все равно и так, когда работа,

дом и консерватория находились на одной линии. Было невероятно трудно. «Не может быть! — восклицал педагог Архиповой старый артист Леонид Филиппович Савранский. — Не знаю, как вы выдерживаете! Не понимаю!».

Когда еще никого в консерватории не было, в полвосьмого утра туда приходила Ирина, и пустынные, гулкие коридоры аудитории гостеприимно принимали ее, оберегали тишиной, чутко прислушивались к каждому звуку ее голоса. Тем более, что она приходила и пела тогда, когда по вокальным канонам голос еще «не проснулся».

Но тут приходилось отсутствовать от канонов. Все было рассчитано до минуты. В девять начиналась работа в проектной мастерской. После закуски наспех дома — снова консерватория до 11 часов вечера. Всего 16 часов работы.

— Знаете, почему я все-таки вытерпела? Занятия в консерватории были для меня сплошным удовольствием. Я с нетерпением ждала их и с сожалением покидала класс.

— А работала вы?..

— Архитектором. И очень любила свою работу. Отец мой — строитель, и я с детства мечтала об этой профессии. Я поступила в институт во время войны, в эвакуации в Ташкенте. И была бы я сейчас архитектором, а никакой не Кармен, если бы...

— Если бы что?

— Ну, если бы не начали мне вдруг все говорить разные приятные слова — голос, певица, консерватория, пойдй прослушайся и так далее.

И все-таки Ирина пришла сюда тайком. Никому не сказала, еще как-то не верилось во все это — голос, певица, консерватория. В комиссиях были Держинская, Катульская, Нежданова, Голованов...

— На мое счастье, — вспоминает Ирина Константиновна, — я тогда не очень-то знала в лицо всех этих светил. А то просто убежала бы от страха...

И вот она — студентка черного отделения консерватории.

А потом шесть лет было то самое «не может быть», которое она смогла вынести.

После консерватории был Свердловский театр оперы и балета, фестиваль молодежи в Варшаве, золотая медаль и 1 апреля 1956 г. дебют в Большом театре в партии Кармен.

«Русская Кармен» — это был сюрприз номер один для зрителей известного неаполитанского театра Сан-Карло и Театра дель Опера в Риме. А правильной было бы сказать — «советская Кармен». Кстати, пригласила Архипову в Италию не некая фирма, пригласил единолично знаменитый Марно дель Монико и, заключая контракт с директором Сан-Карло, сказал ему: «Я хочу показать итальянцам московскую Кармен». И сделал это не без риска и не без некоторых предупреждений: советская Кармен — кое-кого это обжигало, как спичка, догорающая у пальца.

Но все решили зрители, люди, итальянки — народ, которому, согласно всем энциклопедиям мира, вменено в обязанность петь, петь с утра до вечера, петь на работе и дома, петь на земле и на море. Впрочем, они и поют — только не по обязанности. Но поэтому-то именно гостей-певцов здесь встречают отнюдь не восторженно — вежливо и корректно.

Так именно встретили сначала и Архипову — дирижер, оркестранты, администрация. А потом...

Ирина Константиновна, нагнувшись и несколько минут покопавшись за шкафом, вытаскивает на свет рюкзак — да, именно рюкзак с рецензиями.

— Это меня просили собрать для нашего музея, — словно извиняясь, говорит она.

«Вульгарная Кармен оказалась гордой Кармен». «Легко-

мыслие или свободолюбие?». «Мы были посрамлены в своих традиционных представлениях о севильской табачнице» — «Мессаджеро», «Паэзе», «Паэзе сера», «Темпо», «Уинита» — десятки итальянских газет...

Почему сейчас, когда размышляешь о том, что Ирину Константиновну Архипову выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, вспоминаешь именно этот триумф — триумф артистки советской?

Мы говорим: «Советское — значит отличное». Советская Кармен оказалась высшей марки, если мерить труд актрисы на труд токаря, слесаря, фрезеровщика. А почему бы и нет? Разве путь к приходу Кармен не вымощен булыжниками огромного актерского труда? Голосов в России — десятки тысяч, а таких певцов, как Архипова, — единицы.

Можно было бы вспомнить здесь, что Архипова была заместителем секретаря комсомольской организации консерватории, можно было бы сказать и о том, что она сейчас член редколлегии газеты «Советский артист» и что она...

— Член товарищеского суда. — Ирина Константиновна улыбнулась. — Ну, это, может, и не такая важная должность, но мне приятно — значит, товарищи мне верят.

И все же прежде всего Ирина Архипова — наша актриса, защитившая в легкой борьбе достоинство этих двух таких простых и дорогих слов. Наша актриса...

В. ИВАНОВА.

МОСКОВСКИЙ
КОМСОМОЛЕЦ